

УДК 821.161.1

АСПЕКТЫ ДУХОВНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И.А.ИЛЬИНА (ПО КНИГЕ «Я ВГЛЯДЫВАЮСЬ В ЖИЗНЬ. КНИГА РАЗДУМИЙ»)

О.С.Тульская

SPIRITUAL DEVELOPMENT OF A PERSONALITY AS VIEWED BY IVAN ILYIN (BASED ON THE BOOK "THINKING OF MY LIFE. HESITATION BOOK")

O.S.Tulskaya

Московский государственный областной университет, godl87@mail.ru

Статья посвящена анализу духовной прозы И.А.Ильина. Уделяется внимание воспитательному значению и художественному своеобразие «Книги раздумий», предпринята попытка определить место прозы философа в истории русской литературы.

Ключевые слова: *духовно-философская проза, «портрет души», самопознание, преображение личности, духовный взгляд на жизнь*

The paper analyses the spiritual prose of I.A.Ilyin. Special attention is paid to the educational value and artistic originality of "Hesitation book". The author attempts to define the place of philosopher's prose in the history of the Russian literature.

Keywords: *spiritual and philosophical prose, "a portrait of the soul", self-knowledge, transformation of the personality, spiritual worldview*

Художественные достоинства целого ряда произведений известного русского философа-эмигранта Ивана Александровича Ильина позволяют характеризовать его не только как талантливого мыслителя, теоретика искусства, политолога и публициста, но и как писателя. Исследование эстетической стороны творчества Ильина в наши дни только начинается и представляет собой большой интерес для литературоведов. Такая постановка вопроса обусловлена тем, что литературное наследие философа очень велико и разнообразно — это и духовная проза, и философские стихотворения, и публицистика, и замечательные образцы эпистолярной прозы, и сатирические сказки.

Несомненно, вершиной этого творчества является его лирико-философская трилогия, на одной из книг которой («Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий») нам бы и хотелось остановиться. Редкий случай для русской литературы — книга издана первоначально на немецком языке (который автор знал в совершенстве) в Берлине в 1938 году. В России — в переводе О.В.Колтыпиной — произведение увидело свет только в 1994 году. Как и другие две книги трилогии («Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» и «Взгляд в даль. Книга размышлений и упований»), «Книга раздумий» состоит из циклов кратких очерков-размышлений о многообразных явлениях внешней и внутренней жизни человека. При этом философский и жизненный опыт автора, живая, полнокровная вера, глубокое знание русской культуры и истории делают книгу своеобразным «учебником жизни».

В своем восприятии мира, человека и его сущности, отношений с Богом Ильин близок к мировоззрению выдающихся русских духовных писателей — святителей Тихона Задонского и Игнатия (Брянчанинова). Автор своими аналитическими наблюдениями и рассуждениями помогает читателю увидеть духовный смысл предметов и явлений действительности. Так, в очерке «Гроза» Ильин пишет: «Гроза учит нас смирению... чудесной надежде, что на небесах всё прекрасно и могущественно...» [1]. Для сравнения приведем слова о символическом значении весны как один из примеров духовного чтения книги природы в творениях святителя Тихона Задонского: «Весна есть образ и знамение воскресения мертвых... во время весны вся поднебесная тварь обновляется: тако во время воскресения все обновится... В зиме древеса и травы показуются аки изсохши; но во время весны живность их покажется. Тако в воскресение мертвых все человеческое естество оживится» [2].

Современный российский исследователь творчества Ивана Ильина Ю.И.Сохряков особо выделяет в его пейзажном мастерстве, кроме редкостного сплава философского и лирического начала, еще и склонность к глубокому раскрытию смысла природных явлений: «Любое явление природы у него является

живым символом, прекрасной аллегорией, тайнописью Господа, которую надо с восторгом читать и разгадывать» [3]. Можно также заметить сходство философских эссе А.И.Ильина со страницами «Дневника писателя» Ф.М.Достоевского и духовной прозы Н.В.Гоголя. В то же время стиль его очерков подчеркнуто оригинален, форма повествования дает возможность выразить богатое, сложное представление о мире, понимание главных оснований деятельного участия человека в духовном созидании Вселенной.

Одна из ведущих тем трилогии — труд личности по преобразованию своего душевного пространства, очищения его от злого, суетного, ненужного, с тем, чтобы дать простор действовать в душе, по выражению Ильина, «Божьему лучу», чтобы человек ощутил во всей полноте меру своих возможностей, дарований и реализовал их. Философ убежден, что каждый человек должен соотносить свои поступки с высшим призванием: «Все мы, от подметальщика улиц до высшего чиновника, от фабриканта до ученого — не машины проклятого долга, не рабы или галерные арестанты: мы призваны смотреть в суть своей работы, думать о живом и творческом смысле своего труда... где бы я ни находился — я служу... великому делу Господа на земле. Итак — прежде всего, сознание!... Чтобы вечером я чувствовал: сегодня благодаря мне стало немного лучше на белом свете...» (180-181).

Очень важным, с точки зрения автора, является понимание того (к этой мысли он постоянно возвращается), что «мы все вплетены в великую и прекрасную ткань мира, чтобы сделать этот мир и, прежде всего, нас самих еще прекраснее и совершеннее... мы все едины — мы поддерживаем друг друга, мы вместе стоим и вместе падаем... где страдает и несчастен один, там одновременно страдают все» (182). Писатель уверен, что счастье человек приобретает только тогда, когда живет не механически, не машинально: «Ты должен подготовить свою душу, свою волю, свои мысли... Жить значит выбирать... Нельзя, конечно, предаваться всем желаниям, побуждениям и страстям; иначе человек переродится и станет похотливым животным» (183-184).

Большая часть эссе, из которых мозаично сложена книга Ильина, посвящена или преодолению темных качеств и состояний человеческой души (главы «Мечь», «Скука», «Ненависть», «Самомнение» и другие), или возвращению в ней светлых, добрых и сильных ростков духа («Верность», «Искусство спора», «Прощение», «Истинная любовь» и другие). Философ далек от сухости и формальности в раскрытии этих тем. Художественная форма очерков весьма разнообразна. Это и письма, и диалоги, и подлинные стихотворения в прозе, и сказочные элементы, и вкрапления ярких пейзажей, за которыми угадываются родственные им состояния души человека. Это не

отвлеченные рассуждения, а страницы живого опыта, выстраданного мудрым верующим человеком.

Ильин использует разработанную им оригинальную форму словесной живописи — своеобразный и выразительный «портрет души». Как иной поэт или прозаик яркими красками обрисовывает внешность человека или панораму города, так здесь автор набрасывает четкими линиями эскиз состояния души. Иногда очень кратко: «Всюду только увядшая трава, серые камни, мертвая пустыня жизни» (193) — это образ уныния, скуки во внутреннем состоянии человека. Вообще Ильину свойственно облекать свои советы читателю в афористическую форму. Например: «Забота всегда мелочна и близорука, ты погрязнешь в ней. Она хочет скрыть от нас великие, божественные жизненные цели» (98); «Устремись в глубины человеческого духа с книгой... в руках; или еще лучше — обрати свой взор ввысь, к Богу, — и ты обретишь вечность» (98); «Пока жив человек, всё можно исправить, каждую неудачу можно и должно обратить в успех... Устоять перед неудачей — первое, чему должен научиться каждый» (101); «Человек сразу становится бестактным, если он внимателен лишь к себе и оставляет без внимания чужую душу» (177).

Но порой «портрет души» у Ильина становится развернутым, подробным, динамичным. Вот легкомысленный человек: он «живет в настоящем, в маленьком “сейчас”... Легкомысленный убегает в свободу, он закрывает глаза и грезит, что он свободен... Легкомыслие забывает прошедшее и весьма близоруко по отношению к приходящему. Оно сжигает нить жизни и само горит вместе с ней... Нырять в мгновение, и в каждом мгновении находит “жемчужину”... За что может отвечать бабочка-однодневка?» (154)

Но не всегда, как в приведенной психологической зарисовке, это портрет «со знаком минус». Порой то качество, которое в обыденной жизни мало привлекает к себе внимание, у Ильина раскрывается удивительно многообразно. Вот молчаливый человек: «Он внемлет и молчит... В душе молчаливого есть внутренние пространства... Тихие покои, куда он помещает свои сокровища; надежные тайники, где ничто не пропадает бесследно; таинственные колбы, где медленно бродит, оседает и отстаивается в тиши вино мыслей... Из сердца исходят лучи света: они должны пронизать каждую колбу и прокалить ее. Мысль должна сформироваться, стать образной... в душе молчаливого заключен тигель, в котором переплавляются в жидкий огонь, ...падают в жизнь раскаленными каплями все восприятия мира... Поэтому такие слова светят и зажигают; поэтому они так весомы; поэтому каждый раз они сами по себе событие; поэтому их так долго и с благоговением повторяют» (158-159). Сама насыщенность, убедительность этих изображений побуждает вдумчивого читателя к самопознанию, изменению своей личности и приобретению лучших свойств — преображению. «Есть особое искусство, — пишет Ильин, — преобразиться и всегда находить новое в старом, ценность, в казалось бы, обесцененном, любимое в безразличном... Всё целесообразно, всё служит таинственному предназначению, из всего должно извлечь урок» (94).

Автор помогает читателю найти пути, приводящие к изменению личности, к преодолению духовных препятствий, к раскрытию в человеке лучшего, того, что вложено Творцом. Вот, например, отношение к незаслуженному упреку — пример извлечения пользы из неприятной ситуации, преобразования потери в приобретение (глава «Порицание»). Ильин анализирует событие, исходя из его всеобщности: «Кто бы ты ни был, готовься: упрёк доберется и до тебя!». Писатель сразу нацеливает нас на творческое преодоление нравственного препятствия: «Устоять перед ним — сила характера; творчески использовать его — искусство жить». С сочувствием («ясно, что нам бывает не легко вынести упрёк») философ старается поставить себя на место незаслуженно обиженного человека. Он предостерегает от искушения ответить обидой на обиду: «Никогда не идите этим путем — в пустоту и злобную мелочность! Никогда не унижайтесь до этого! Тот, кто начинает созидать, пусть запасется сначала доброй волею». Дальнейшие размышления приводят философа к выводу о том, что противники вместо обиды «служат мне и помогают мне», обнаруживая скрытые недостатки и ошибки, и в любом случае учат скромности и смирению, ведь «даже мои “лучшие намерения” не спасают меня от несовершенства... Только не обижаться! Оставаться спокойным!» (170-172). Таким образом, по Ильину, человек может и должен творчески менять и направлять свои эмоции, преодолевать порочное отношение к жизненным ситуациям, приобретать пользу там, где он мог бы уронить свое человеческое достоинство.

Порой советы художника-мыслителя кажутся парадоксальными. Можно предположить, что они скрывают в своей глубине выстраданные лично автором нравственные открытия. Например, Ильин пишет: «Неудача — лучшая школа успеха. С ней надо обращаться как с предметом тренировки, как с необходимым закаливанием; как с источником понимания и мудрости жизни; как с дорогим поучением, как с трамплином для новой борьбы». Это — «возможность укрепить и облагородить собственный характер» (101-102). Или другой парадокс: «Только тот заслужил радость праздника, кто полюбил свои будни... отыскал священный смысл в своей будничной работе, погрузив его в глубину сердца» (99). С ним переключается такое утверждение Ильина: «Если хочешь счастья, научись искусству лишений» (195).

Автор скорбит, метафорически замечая, что мало кто из людей заботится о своем верном, духовном взгляде на жизнь: «Но кто из нас думает о том, чтобы проверить и облагородить наши “духовные очки”, расширить и углубить наш духовный взгляд?» (211). Ведь в основе нравственного совершенствования человека, по мнению Ильина, лежит его преданность Богу. Каждый должен твердо понимать: «Господь в небесах поможет мне тем вернее, чем преданнее Ему буду я» (164). «Мир можно исцелить лишь духовным достоинством и верностью...» (222). В этом уповании на Бога раскрывается уверенность писателя в возможности обретения счастья любым человеком, несмотря ни на какие жизненные невзгоды: «Дерево и зверь, гора и поляна, снег и гроза по-

кажут нам свой скрытый божественный луч света. Мы поймем, что мир полон дремлющей любви, и нам нужно лишь разбудить эту любовь своей собственной любовью» (225); «любовь подобна радости, которая светит любящему, как солнечный луч, даже сквозь страдания, заботы, неудачи и болезни. И в одиночестве любви есть настоящее утешение; и слеза любви блаженна. Любовь подобна радостному свету, который светит человеку изнутри и дарит ему неиссякаемое тепло» (198). Ильин убежден, что источником подлинной любви может быть только твердая вера в Творца: «Нужно иметь в самом себе священное место, некий алтарь, где горит и светит священное пламя» (226).

При вдумчивом, внимательном чтении книги И.А.Ильина перед нами раскрываются высоты духа, тайники человеческой личности, намечаются пути ее преображения и гармонического просветления в соответствии с замыслом Творца. Философ предстает перед нами как незаурядный писатель со своим особым взглядом на мир, взглядом борца и мыслителя, человека с чутким сердцем. Яркая художественная оригинальность духовно-философской прозы Ильина

прочно соединена со свойственной русской литературе глубиной, христианской духовностью, состраданием к человеческим скорбям. Один из немногих в истории нашей художественной культуры он попытался, и весьма удачно, соединить традиции духовной прозы и светской словесности.

1. Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. С. 201. Далее страницы этого издания указаны в круглых скобках.
2. Тихон Задонский, святитель. Творения. Сокровище духовное. М.: Синодальная типография, 1889 [Репринт]. С. 135.
3. Сохряков Ю.И. И.А.Ильин — религиозный мыслитель и литературный критик. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 240.

References

1. Il'in I.A. [Coll. works in 10 vols., vol. 3]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 1994. 592 p.
2. Tikhon Zadonskij, svjatitel' [sanctifier]. Tvoreniya. Sokrovishche dukhovnoe. [Coll. works. Spiritual treasure]. Moscow, Typography of the Holy Synod Publ., 1889. 389 p.
3. Sohrjakov Ju.I. Il'in — religioznyy myslitel' i literaturnyy kritik [I.A.Ilyin is a religious thinker and a literary critic]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2004, p. 240.